

ДЕНИС КОЛИЕВ

АРХИВ

ДОМАШНИХ ЗВУКОВ

18+

Денис Колиев

Архив домашних звуков

«Автор»

2026

Колиев Д. П.

Архив домашних звуков / Д. П. Колиев — «Автор», 2026

Таисия много лет жила в удобной, понятной жизни, где все давно распределено по местам: брак, быт, семейные обязанности, чужие планы на завтра. Но случайный звук в доме становится точкой, с которой начинает меняться все остальное. Возвращение к прежней профессии, работа с аудиоархивами и знакомство с человеком, который умеет слышать мир иначе, заставляют Таисию заново посмотреть на собственную жизнь. «Архив домашних звуков» это тонкий психологический роман о памяти, близости, личных границах и праве выбрать себя. О том, как из самых обычных вещей, шума лифта, дождя за окном, голоса из старой записи, постепенно складывается честная история перемен.

© Колиев Д. П., 2026

© Автор, 2026

Денис Колиев

Архив домашних звуков

АРХИВ ДОМАШНИХ ЗВУКОВ

Роман

Глава 1. Частота

Таисия услышала писк в половине второго ночи.

Сначала решила, что в прихожей разряжается домофон. Потом обошла квартиру босиком, приложила ухо к щитку, к холодильнику, к зарядкам, к роутеру. Писк исчезал, стоило остановиться. Она вернулась в спальню, легла и через минуту снова его услышала.

Эмиль спал на животе, вытянув одну руку поверх одеяла. На тумбочке светились часы. 01:37.

— Эмиль.

Он не ответил.

— Ты слышишь?

— Нет.

Ответ последовал слишком быстро для спящего человека.

— Я еще ничего не спросила.

— Если про звук, то нет.

Таисия села на кровати.

— Значит, слышишь.

— Я слышу, как ты ходишь по квартире и открываешь шкафы.

Писк возник снова. Тонкий, ровный, секунд на пять.

— Вот.

Эмиль приподнял голову.

— Лифт.

— Лифт на другом конце площадки.

— Тогда соседский увлажнитель. Тая, я в шесть встаю.

Он повернулся к стене.

Утром Таисия дождалась, пока Эмиль уедет, и вышла в подъезд с кружкой кофе. Писк повторился возле лифтовой шахты. Она спустилась на этаж ниже, потом на два выше. На одиннадцатом он был почти неслышен, на девятом резал ухо.

У консьержа сидел новый дежурный, которого Таисия знала только в лицо.

— Лифт вчера обслуживали?

— Позавчера.

— После ремонта появился высокий тон.

Мужчина оторвался от телефона.

— Какой тон?

Таисия попыталась свистнуть, но получилось слишком низко.

— Примерно шестнадцать килогерц. Может, чуть меньше.

Дежурный посмотрел на нее внимательнее.

— Вы это на слух определили?

— Раньше работала со звуком.

В управляющей компании попросили записать шум на телефон. Телефон его не поймал. Мастер приехал к обеду, долго стоял у шахты, потом сказал, что ничего не слышит.

— Возможно, возрастное, — предположил он.

— У меня?

— У меня. Я такие частоты уже могу не брать.

Он открыл технический шкаф. Таисия стояла рядом и через несколько минут показала на маленький блок питания.

— Когда кабина останавливается, вот отсюда.

Мастер приложил к блоку ручку отвертки, потом достал прибор.

— Есть. Пятнадцать восемь.

— Говорила же.

— Редкий талант для жильца.

Он заменил блок. Подъезд сразу стал обычным.

Таисия вернулась домой, поставила чашку в раковину и еще минуту прислушивалась, не вернулся ли писк.

На верхней полке кладовой лежала черная папка. Она помнила, что внутри, хотя не открывала ее лет десять. Диплом, справки, удостоверение регионального радио, несколько распечаток с пометками красным карандашом. Когда-то она описывала фонды и чистила старые записи для эфира. Работа была негромкая, плохо оплачиваемая и ей нравилась.

Потом они с Эмилем переехали. Через год снова. Его должность росла быстрее ее зарплаты. Они однажды посчитали стоимость няни для его матери после операции, доставки продуктов и человека, который будет следить за дачей, и выяснили, что дешевле Таисии не работать.

Временное решение продлилось двенадцать лет.

Она сняла папку.

В удостоверении была фотография двадцатипятилетней Таисии с короткой челкой. Она тогда считала, что челка делает лицо серьезнее. Делала наоборот.

Телефон завибрировал.

Эмиль прислал список из магазина.

«Минералка без газа. Кофе. Батарейки АА. И посмотри, есть ли нормальная рыба».

Таисия открыла заметки. Там уже стояли хлеб, лимоны, средство для стекол. Она добавила батарейки, кофе и слово «развод».

Посмотрела на экран.

Стерла только рыбу.

Вечером Эмиль вернулся около девяти. Снял пальто, поставил портфель на банкетку, прошел на кухню.

— Лифт починили?

— Да.

— Значит, не соседский увлажнитель.

— Значит.

Он открыл холодильник.

— Рыбы нет?

— Нет.

— Ничего.

Таисия положила на стол картофель, салат и запеченную курицу. Эмиль ел быстро, одновременно листая сообщения. Она не садилась, сначала убрала противень, потом протерла плиту.

— У тебя завтра во сколько? — спросила она.

— Первый созвон в восемь тридцать. Потом завод.

— Вечером дома?

— Скорее всего. А что?

— Хочу поговорить.

Эмиль поднял глаза.

— Сейчас нельзя?

— Можно. Но ты смотришь в телефон.

Он перевернул телефон экраном вниз.

— Говори.

Таисия открыла рот, но рядом стояли миска с недоеденным салатом и банка горчицы. Если сказать сейчас, потом горчица навсегда будет привязана к этому разговору.

— Завтра.

— Тая, если что-то случилось, скажи сейчас.

— Ничего не случилось.

Эмиль подождал несколько секунд, снова взял телефон.

После ужина Таисия сложила посуду в машину. В кладовой черная папка осталась на полу. Убирать ее обратно она не стала.

Ночью лифт прошел с девятого на первый этаж бесшумно.

Глава 2. Магнитофон

Разговор не состоялся и на следующий день.

Эмиль приехал домой с тяжелым кассетным магнитофоном, который нашел у матери на даче. Корпус был серебристый, одна ручка отсутствовала, внутри кассетоприемника застряла лента.

— Помнишь его? — спросил он.

— Нет.

— У отца стоял в кабинете.

Он поставил аппарат на кухонный стол, где Таисия только что раскатала тесто.

— На полотенце хотя бы.

— Сейчас.

Эмиль поднял магнитофон, Таисия подложила сложенную салфетку.

— Хочу восстановить. У мамы в декабре семьдесят пять. Там есть кассеты с отцом.

Таисия вытерла руки.

— Хороший подарок.

— Я нашел человека. Завтра заедет.

— Во сколько?

— Днем.

— Конечно.

Эмиль поднял брови.

— Что?

— Ничего. Я же днем всегда дома.

— Если неудобно, перенесу.

— Не надо.

Он уже тянулся к телефону.

— Я сказал, перенесу.

— А я сказала, не надо.

На этом они остановились.

Человек за магнитофоном приехал в четверг в двенадцать двадцать. Таисия как раз смывала муку со столешницы. В дверь позвонили один раз, потом через паузу второй. Она открыла.

На площадке стоял высокий мужчина в темной куртке, с жестким пластиковым кейсом и небольшой сумкой через плечо.

— Савва Лесский. За магнитофоном.

Не «здравствуйте», не «добрый день». Таисия отступила.

— Он на кухне.

Савва снял ботинки без просьбы. Носки были разные, один темно-синий, другой серый.

Он обошел магнитофон со всех сторон, не касаясь.

— В сеть включали?

— Муж включал.

— Долго?

— Секунд десять. Потом запахло.

Савва вздохнул.

— Что?

— Ничего. Люди всегда проверяют, работает ли старое электричество, путем подачи в него электричества.

— А как надо?

— Не так.

Он достал отвертку, фонарик и маленькое зеркальце.

Таисия вернулась к тесту. Она готовила пирог с луком на ужин. Эмиль любил, когда лук внутри был почти кремовым, поэтому его приходилось томить отдельно сорок минут.

Савва открыл заднюю крышку магнитофона.

— Можно окно?

— Холодно.

— Тогда вытяжку.

— Работает громко.

Он поднял голову.

— Вы против громких вытяжек?

— Я против вытяжки, после которой кухня звучит как гараж.

Савва включил ее на первую скорость, прислушался.

— Подшипник.

— Что подшипник?

— Изношен.

— Я знаю.

— Тогда мы оба молодцы.

Ему было около сорока, может, меньше. Короткие волосы, узкая светлая полоска шрама на левом виске. Когда винт не поддавался, Савва не дергал отвертку и не пытался продавить его силой.

Через двадцать минут Савва спросил, можно ли вскипятить чайник.

— Чай хотите?

— Нет. Послушать.

— Чайник?

— Старый металлический. Такие скоро все заменят.

— На что?

— На тихие пластиковые, которые умирают через три года.

Таисия рассмеялась.

— Вы серьезно записываете чайники?

— Не только. Замки, счетчики, лифты, кассовые аппараты. То, что потом никто не вспомнит правильно.

Он достал из сумки маленький рекордер.

— Можно пять минут кухни? Без разговоров. Чайник, вытяжка, шкаф.

— А зачем вам моя кухня?

— Она обычная. Это редкое качество.

— Пять минут.

Савва поставил рекордер у сахарницы и нажал кнопку.

Таисия включила чайник, поправила кружку возле рекордера и усмехнулась самой себе.

В дверь вошел Эмиль. Он вернулся за папкой, которую оставил в кабинете.

— Уже забрали?

— Пока разбираюсь, — тихо сказал Савва и показал на красный огонек.

Эмиль кивнул, прошел к столу.

— Тая, про завтра. Мама просит приехать пораньше. Нужно проверить крышу сарая, там течет.

Таисия закрыла банку с мукой.

— Я завтра не еду.

— Почему?

— У меня дела.

— Какие?

Савва стоял спиной и без необходимости возился с магнитофоном.

— Не надо сейчас, Эмиль.

— Я просто спрашиваю.

— Я сказала, не надо.

Эмиль замолчал. В кухне шумел чайник.

Савва подошел к рекордеру, остановил запись.

— Извините. Я думал, пять минут будут без разговоров.

— Ничего, — сказала Таисия.

Эмиль забрал папку.

— Вечером поговорим.

Дверь закрылась.

Савва начал складывать инструменты.

— Магнитофон заберу целиком. Нужны ремни, конденсаторы и, возможно, новая головка. Я напишу вашему мужу.

— Ладно.

— Запись кухни удалю.

— Почему?

— Потому что там частный разговор.

Красный огонек уже погас.

— Чайник оставьте.

— Чайник отдельно не записан.

— Тогда вырежьте.

Савва пожал плечами.

— Вырежу.

Он поднял магнитофон. У двери остановился.

— Вы правда работали со звуком?

Таисия подняла брови.

— Откуда знаете?

— Когда вытяжка включилась, вы сказали «после нее кухня звучит как гараж». Люди обычно говорят «шумит».

— На радио. Давно.

— Понятно.

— Что вам понятно?

— Почему вы слышите подшипник.

После его ухода Таисия поставила пирог в духовку и открыла сайт городской юридической консультации.

Форма записи просила выбрать тему.

Она выбрала «расторжение брака и раздел имущества».

Свободное окно было в пятницу в 11:40.

Таисия записалась.

Глава 3. Одиннадцать сорок

Юрист принимала в помещении бывшего салона красоты. На стеклянной двери осталась матовая надпись «маникюр», поверх которой наклеили часы работы бюро.

Таисию встретила женщина лет пятидесяти в красной оправе.

— Ирина Михайловна.

— Таисия.

— Я вижу. Паспорт пока не нужен. Садитесь.

Кабинет был маленький. На подоконнике стоял мертвый кактус, в углу сохла швабра.

— Дети?

— Нет.

— Совместная недвижимость?

— Квартира. Машина на нем. Дача его матери, но мы вкладывались.

— Кредиты?

— Нет.

— Бизнес?

— У него доля в компании, полученная до брака. Дивиденды были во время брака.

Ирина Михайловна быстро записывала.

— Вы работаете?

Таисия задержалась с ответом.

— Нет.

— Сколько лет?

— Двенадцать.

Ручка остановилась.

— По договоренности?

— Сначала да.

— А потом?

— Потом никто не пересматривал.

Юрист кивнула, не делая сочувственного лица.

— Муж знает, что вы хотите развестись?

— Нет.

— Любовник есть?

Таисия моргнула.

— Нет.

— Хорошо. Для раздела это ничего не меняет. Но люди с любовниками иногда приходят сюда уже с готовой фантазией о следующей жизни. Я тогда задаю другие вопросы.

— У меня нет фантазии о следующей жизни.

— Отлично. Значит, можно считать деньги.

Они считали почти час. Квартира была куплена через три года после свадьбы. Деньги смешанные, часть от продажи Эмилевой студии, часть общая. Квитанции на ремонт, которые Таисия хранила без особой причины, пригодились.

Ирина Михайловна дала список документов.

— И найдите работу.

Таисия оторвалась от списка.

— Это юридический совет?

— Нет. Человеческий. Развод без зарплаты очень быстро превращает свободу в бухгалтерию.

Таисия сложила лист вчетверо, спрятала в карман и пошла пешком.

В центре ремонтировали трамвайные пути. Возле ограждения рабочий резал металл. Из кафе тянуло ванилью. У перехода мальчик бил монетой по перилам, каждый пролет звучал чуть выше предыдущего.

Она замедлила шаг.

На старой работе она могла бы записать этот звук, отметить место, температуру, расстояние до источника, потом ругаться с инженером из-за ветра. Сейчас она стояла с пакетом документов в кармане и слушала.

Телефон зазвонил.

Номер был незнакомый.

— Таисия? Савва Лесский.

— Да.

— Ваш магнитофон меня ненавидит.

— Он не мой.

— Тогда ненавидит вашего мужа. Мне нужна информация. Кассеты, которые он хочет проигрывать, какие? Обычные, хром, металл?

— Я не знаю.

— Понял. Спросите у него.

По трамвайным рельсам прошла дрожь от приближающегося вагона.

— А зачем вы звоните мне, а не ему?

— Он не отвечает. Вы были вторым номером в заявке.

— Хорошо. Спрошу.

— И еще. Ваша запись с чайником получилась неплохая.

— Вы же ее удалили.

Пауза была короткая.

— Я вырезал разговор и оставил бытовой кусок. Если хотите, удалю все.

Таисия вспомнила красный огонек у сахарницы.

— Оставьте чайник.

— Оставлю.

— И вытяжку.

— Вы уверены?

— Пусть мучает потомков.

Савва засмеялся.

— Договорились.

Вечером Таисия приготовила ужин раньше обычного, чтобы в середине разговора не пришлось проверять духовку.

Эмиль пришел в восемь. На столе стояли суп, хлеб и бутылка воды.

— Торжественно, — сказал он.

— Садись.

Он снял часы и положил рядом с тарелкой.

— Ты вчера хотела поговорить.

— Да.

Таисия села напротив.

Она представляла этот момент десятки раз и каждый раз начинала по-разному. «Мы давно живем как соседи». «Я устала». «Мне нужно другое». Все варианты были похожи на чужие реплики.

— Я была у юриста.

Эмиль перестал наливать воду.

— Какого юриста?

— По разводу.

Бутылка осталась в его руке.

— Ты серьезно?

— Да.

— Сегодня?

— Сегодня.

— До разговора со мной?

— Мне нужно было понять, что вообще делать.

Эмиль поставил бутылку.

— И что делать?

— Собирать документы.

— Я не про документы.

Таисия не ответила.

Эмиль отодвинул тарелку, хотя не попробовал суп.

— Почему?

— Я больше не хочу так жить.

— Как так?

Таисия молчала. Ответов было много, но каждый по отдельности звучал мелко.

— Так, как мы живем.

— Это не ответ.

— Другого у меня сейчас нет.

Эмиль встал, прошел к окну, вернулся.

— У тебя кто-то есть?

— Нет.

— Тогда откуда это?

— Не обязательно должен быть кто-то еще.

— Я не понимаю.

— Я тоже долго не понимала.

Он сел.

— Мы можем сходить к семейному психологу.

— Можем.

— То есть ты согласна?

— Я согласна сходить. Это не значит, что передумаю.

Эмиль потер лоб.

— Тая, еще неделю назад мы выбирали плитку на дачу.

— Ты выбирал. Я сказала, что серая практичнее.

— Не цепляйся к словам.

— Я не цепляюсь.

— Ты двенадцать лет не работаешь. Мы это вместе решили. У тебя есть все, что ты хотела.

Ложка осталась в супе.

— Я не помню, чтобы хотела именно это.

Эмиль опустил взгляд.

Из коридора донесся лифт. Без писка.

— Суп остынет, — сказал он.

Таисия подвинула к нему тарелку.

Эмиль ел молча. После ужина сам загрузил посуду в машину, но поставил чашки вверх дном и забыл таблетку.

Таисия ничего не исправила.

Глава 4. Мастерская на втором этаже

Семейный психолог был через десять дней. До него они жили аккуратно.

Эмиль начал возвращаться раньше. Два раза приготовил завтрак. В субботу предложил поехать в кино. Таисия согласилась. Отказывать из принципа не хотелось.

В кино они посмотрели фильм про людей, которые заблудились в горах. На середине Эмиль шепнул, что герой неправильно распределяет запас воды. Таисия коротко рассмеялась. В машине по дороге домой они двадцать минут спорили о финале, перебивая друг друга.

Потом Эмиль спросил:

— Тебе лучше?

Таисия отвернулась к окну.

— Мне было нормально.

— Это уже что-то.

— Не делай из каждого вечера тест.

Он сжал руль.

— А что мне делать?

— Не знаю.

Эмиль смотрел на дорогу. Таисия тоже замолчала.

В понедельник Савва написал, что магнитофон можно посмотреть в разобранном виде, если Эмиль хочет решить, насколько дорогой ремонт имеет смысл.

Эмиль был в командировке.

«Съезди ты, пожалуйста. Я переведу деньги», написал он.

Мастерская находилась над магазином музыкальных инструментов. Внизу подросток мучил электрогитару одной и той же последовательностью аккордов. На втором этаже было тихо.

Савва открыл дверь с паяльником в руке.

— Заходите. Только сюда не наступайте.

На полу лежала разобранная дека проигрывателя.

Внутри было просторнее, чем Таисия ожидала. Стеллажи с катушками, кассетами, коробками и проводами. На одном столе стояли три магнитофона, на другом ноутбук и маленькие колонки. В углу сушился мокрый зонт.

— Ваш красавец здесь.

Савва показал серебристый корпус.

— Точнее, пока четыре отдельных красавца.

Он объяснял про ремни, головки и плату. Таисия слушала первые минуты, потом стала смотреть на подписи на коробках.

«Двор на Мельничной, 1988».

«Хлебный автомат, закрытие смены».

«Подъезд 7, трубная почта».

— Трубная почта в подъезде?

— Дом ведомственный. У них была система между диспетчерской и охраной. Остался кусок.

— Работает?

— Нет. Я записывал, как капсула падает внутри трубы, когда ее толкают вручную.

Таисия взяла коробку.

— Вы все подписываете местом и годом, но не временем.

Савва повернулся.

— Не всегда знаю.

— На этой записи слышны стрижи?

— Да.

— Тогда конец мая или июнь. И вечер. Они ниже летают перед закатом.

— Вы орнитолог?

— Нет. На радио был фонд природных записей. Я его ненавидела.

— Полезная ненависть.

Он включил файл.

Сначала глухо стукнула металлическая капсула. Потом шорох, мужской смех вдалеке, машина на улице.

Таисия прислушалась.

— Еще трамвай.

— Там нет трамвая.

— Был.

Савва открыл карту на компьютере.

— Сейчас нет.

Таисия назвала улицу. Они нашли старую схему. Линию закрыли в 1992 году.

— Значит, запись не позже девяносто второго, — сказал Савва.

— И не раньше восемьдесят восьмого, если надпись верная.

Он задержал на ней взгляд, потом подвинул ноутбук ближе.

— Хотите кофе?

— Если нормальный.

— Нет. Но горячий.

Они пили из толстых кружек. На подоконнике стоял микрофон, направленный в сторону улицы.

— Он пишет сейчас? — спросила Таисия.

— Нет.

— Отлично.

— После вашей кухни я осторожнее.

Она посмотрела на микрофон и промолчала.

Савва выставил смету ремонта. Сумма была большой, но меньше, чем ожидал Эмиль.

Таисия позвонила мужу прямо из мастерской.

— Делай, — сказал он. — Если там действительно записи отца, мама будет рада.

— Ладно.

— Ты где сейчас?

— У мастера.

— Долго еще?

Таисия проверила время.

— Не знаю.

— У нас психолог в семь.

— Я помню.

Савва отвернулся к столу.

После звонка Таисия надела пальто.

— Вы всегда так быстро уходите после слова «психолог»? — спросил Савва.

Таисия замедлила шаг.

— Вы слышали?

— Вы говорили в трех метрах.

— Тогда делайте вид, что нет.

— Уже делаю.

Таисия взялась за ручку двери.

— Кстати, — сказал он. — У меня есть коробка с неразобранными кассетами из закрывшегося радиоклуба. Если скучаете по старой работе, можете прийти и ненавидеть их бесплатно.

— Очень щедро.

— Я умею продавать возможности.

— Вы вообще что-нибудь продаете?

— Редко. Обычно чиню чужое.

Она ушла.

У психолога Эмиль уже сидел в коридоре. Рядом стояли два бумажных стаканчика.

— Тебе без сахара, — сказал он.

— Спасибо.

Женщина-психолог пригласила их внутрь, спросила, сколько лет они вместе и почему пришли.

Эмиль ответил первым.

— Жена хочет развестись.

Психолог посмотрела на Таисию.

— А вы как сформулируете?

Таисия сняла крышку со стакана.

— Мы хотим понять, есть ли нам о чем говорить до развода.

Эмиль дернул уголком рта.

— Уже лучше.

Психолог записала что-то в блокнот.

Сеанс длился пятьдесят минут. Таисия говорила меньше, чем думала. Эмиль больше, чем обычно. На выходе он спросил:

— Поедем домой вместе?

— Да.

В машине Таисия держала бумажный стаканчик между коленями. Кофе давно остыл.

Глава 5. Дача в ноябре

На дачу они все-таки поехали через неделю.

Мать Эмиля, Инга Романовна, жила в городе, но дом за рекой считала главным местом семьи. Она звонила по любому поводу. То вода в колодце стала мутной, то сосед переставил забор на три сантиметра, то нужно срочно закрыть розы до морозов.

Таисия двенадцать лет знала, где лежат запасные ключи, как отключается насос и какие доски на крыльце нельзя наступать каблуком.

Они приехали вдвоем. Инга Романовна простудилась и осталась дома.

На участке пахло мокрыми листьями. Сарай действительно тек. Эмиль забрался на крышу, Таисия снизу подавала инструменты.

— Маленький молоток.

— Какой из двух?

— С красной ручкой.

— Это средний.

— Тая.

Она передала молоток.

Через полчаса пошел дождь. Они спрятались на веранде. Эмиль снял мокрую куртку, разложил ее на стуле.

— Помнишь, как здесь свет вырубил на трое суток?

— Помню. Ты уехал в город на второй день.

— На работу.

— Я знаю.

— Мама тогда еще ходила с палкой.

— Я тоже знаю.

Эмиль потер ладони.

— Ты все ответы превращаешь в обвинение.

— Нет.

— Вот это «я знаю». Звучит так, словно я оправдываюсь.

Таисия смотрела на воду, которая стекала с крыши тонкой струей.

— Я три дня топила печь, носила воду из соседнего дома и помогала твоей маме. Ты работал. Никто не виноват.

— Но ты это помнишь именно так.

— А как еще помнить?

Эмиль достал из холодильника две банки тоника.

— Я правда думал, что тебе здесь нравится.

— Мне здесь нравилось.

— Тогда почему это теперь звучит как каторга?

— Потому что нравится место и хотеть быть человеком, который за него всегда отвечает, разные вещи.

Эмиль поставил банку перед ней.

— Ты могла сказать.

— Я говорила, что устала.

— Все устают.

— Вот.

— Что «вот»?

— Ничего.

Он встал.

— Опять.

Таисия открыла банку.

— Ты хочешь, чтобы я принесла тебе список из сорока пунктов. В таком-то году ты сказал это, в таком-то не приехал, здесь я мыла пол, здесь ты не заметил. У меня нет списка.

— Тогда из-за чего развод?

— Я не знаю, что еще тебе сказать.

Дождь усилился. В старом водостоке что-то дребезжало.

Эмиль сел напротив.

— Я тебя люблю.

Таисия провела пальцем по холодной банке.

— Я знаю.

Он тихо выругался.

— Терпеть не могу это слово.

— А что мне сказать?

— Что-нибудь кроме «я знаю».

Таисия подняла глаза.

— Я тебе верю.

Эмиль откинулся на спинку стула.

— Еще лучше.

Они не ссорились. Эмиль пошел заканчивать крышу под дождем, Таисия начала собирать вещи, которые Инга Романовна просила привезти в город.

В спальне на втором этаже стоял старый шкаф. На верхней полке Таисия нашла коробку с кассетами. На одной было написано «Инга, 1984. Новый год». На другой «Эмиль 7 лет».

Она сфотографировала подписи и отправила Савве.

«Вот что будут слушать на магнитофоне. Подойдут?»

Он ответил через минуту.

«Обычные Туре I. Подойдут. Не перематывайте карандашом, если лента тугая».

Уголок рта дернулся.

«Я еще не настолько варвар».

«Все так говорят до первого карандаша».

Она убрала телефон.

Эмиль стоял в дверях.

— Кому пишешь?

— Мастеру по магнитофону. Нашла кассеты.

— А.

Он взял коробку.

— Отец записывал все подряд. Даже когда я болел, ставил магнитофон возле кровати.

Мама злилась.

— Почему?

— Говорила, ребенок кашляет, а он архив делает.

Эмиль усмехнулся.

— Странный был.

— Может, поэтому ты захотел восстановить аппарат.

— Может.

Они спустились вниз.

В город возвращались в темноте. На трассе шли фуры, дворники работали без остановки.

У дома Эмиль не заглушил двигатель.

— Если ты решишь уйти, что ты будешь делать?

— Сниму квартиру.

— На что?

— Найду работу.

— Какую?

— Не знаю пока.

— Двенадцать лет прошло.

Эмиль закрыл глаза.

— Я не хотел сказать, что ты ничего не умеешь.

— Но сказал то, что думаешь первым.

— Я думаю, что тебе будет сложно.

— Мне тоже так кажется.

— И все равно?

— Да.

Таисия открыла дверь машины.

Эмиль не стал ее останавливать.

Глава 6. Коробка без номера

На следующий вторник Таисия приехала в мастерскую Саввы без магнитофона и без Эмиля. Эмилю она сказала, что хочет посмотреть кассеты из радиоклуба.

Савва поставил на стол картонную коробку.

— Вот ваш бесплатный отпуск в прошлое.

— Почему мой?

— Потому что я три месяца собираюсь разобрать и не собираюсь.

Внутри лежали двадцать семь кассет. Половина без подписей. На нескольких были детские наклейки, на одной красной ручкой написано «НЕ СТИРАТЬ».

— Откуда они?

— Радиоклуб при Доме культуры. Помещение закрывали, техник позвонил. Аппаратуру забрал музей, ленты никому не нужны.

— А права?

— На что?

— На голоса людей.

— Поэтому я их и не публикую. Сначала понять, что там.

Таисия села за стол.

Он дал ей наушники и старую деку.

На первой кассете был школьный концерт. На второй кто-то учился вести эфир и каждые две минуты говорил «дорогие радиослушатели». На третьей был шум стадиона.

Таисия записывала на листе: сторона А, примерный год, содержание, качество, имена, если звучали.

Через час Савва поставил рядом бутерброд.

— Я не заказывала.

— Это не ресторан. Просто второй был лишний.

— С чем?

— Не знаю. Покупал по цвету.

Внутри оказался сыр, огурец и что-то очень острое.

Таисия съела половину, не снимая наушников.

На четвертой кассете зазвучала студия. Мужчина объявил дату, 18 мая 1989 года. Потом начал интервью с работницей телефонной станции. Она рассказывала, как вручную соединяла междугородние звонки. В конце передачи микрофон не выключили. Женщина спросила ведущего, можно ли забрать домой пирожки, которые принесла редактор.

Смех вырвался сам.

Савва поднял голову от пайки.

— Что?

Она сняла один наушник.

— Восемьдесят девятый год. Женщина полчаса рассказывает про связь между городами, а самое живое в записи то, как она спрашивает про пирожки.

— Поэтому эфирные архивы лучше официальной истории.

— В официальной истории тоже все хотят пирожки. Просто не едят.

Он подошел, послушал кусок.

— Хороший голос.

— Уставший.

— Откуда знаете?

— Дышит ртом и слова к концу фразы съедает.

— Может, простужена.

— Тогда носовые были бы другие.

Савва сел рядом.

— Вы правда скучали.

— По чему?

— По этому.

Таисия вернула наушник.

— Не начинайте.

— Я и не начинал.

К пяти часам они разобрали семь кассет. Таисия сфотографировала листы, чтобы дома перепечатать таблицу.

— Зачем? — спросил Савва.

— Так аккуратнее.

— Вы больше не работаете на радио.

— Я вижу.

— Можно оставить листы.

— Я закончу.

Савва не спорил.

На лестнице снизу снова кто-то играл на электрогитаре. Сегодня аккорды получались лучше.

— Он каждый день? — спросила Таисия.

— С трех до шести. По воскресеньям отец играет саксофон.

— Вы поэтому мастерскую сняли здесь?

— Ага. Люблю страдать системно.

На улице моросило. Таисия не взяла зонт.

Савва вышел следом и раскрыл свой.

— До метро?

— Я на автобус.

— Тогда до остановки.

Зонт был маленький. Приходилось идти ближе, чем Таисии хотелось бы. Она держалась у края и все равно промочила рукав.

У остановки Савва спросил:

— Вы нашли работу?

— Что?

— Вы сказали по телефону, что давно не работаете. Я решил, что, раз пришли разбирать кассеты во вторник днем, пока нет.

— Очень деликатно.

— Я стараюсь.

Подождал автобус.

Таисия поставила ногу на ступеньку, потом обернулась.

— Нет. Не нашла.

— В городском архиве есть отдел аудиофондов. У них вечная нехватка людей.

— Откуда знаете?

— Я туда сдаю копии полевых записей. Начальница страшная.

— Это рекомендация?

— Это предупреждение.

Двери автобуса начали закрываться.

— Как ее зовут?

— Руна Петровна.

Таисия успела войти.

Вечером она нашла сайт архива. Вакансий не было.

Номер отдела она сохранила.

Глава 7. Комната без ужина

В городском архиве ответили со второго звонка.

— Аудиофонды, — сказала женщина таким тоном, что название отдела прозвучало почти как диагноз.

— Добрый день. Меня зовут Таисия Ранич. Я хотела узнать по поводу работы.

— Вакансий нет.

— Понятно.

Таисия уже собиралась попрощаться.

— Образование какое?

— Документоведение и архивоведение. Работала на региональном радио с аудиофондом.

Но давно.

В трубке что-то зашуршало.

— Насколько давно?

— Двенадцать лет.

— Прекрасно. Вы забыли старые ошибки и еще не знаете новых. Резюме пришлите.

- Но вы сказали, вакансий нет.
- Сейчас нет. Люди имеют привычку увольняться.
- Вы Руна Петровна?
- К сожалению.
- Таисия улыбнулась.
- Мне про вас говорили.
- Надеюсь, плохо. Иначе источник ненадежный.
- Она продиктовала почту.

Таисия отправила резюме в тот же день. Поле «последнее место работы» выглядело особенно пустым. Она вписала радиокompанию, даты и должность. Потом добавила строку «ведение домашнего хозяйства». Рядом с названием радиокompании строка выглядела странно, и Таисия ее стерла.

Вечером у них с Эмилем был третий сеанс у психолога.

Психолог спросила, что каждый из них хотел бы получить от другого в ближайшую неделю.

Эмиль сказал:

- Чтобы она не принимала окончательных решений семь дней.
- А вы? — спросила психолог Таисию.

Таисия долго молчала.

- Один вечер, когда меня никто не спросит, что будет на ужин.

Эмиль повернулся к ней.

- Я могу заказать еду.

Психолог подняла ладонь.

- Не решайте задачу сразу.
- Но это же простая задача.
- Возможно, поэтому вы ее не слышали.

После сеанса Эмиль действительно не спросил про ужин. Заказал две пиццы сам, выбрал обе с грибами, хотя Таисия грибы не любила.

Она съела корку и сыр с краев.

- Что? — спросил он.
- Ничего.
- Ты не ешь грибы.
- Да.

Эмиль посмотрел на коробки.

- Черт. Я забыл.
- Бывает.
- Ты могла сказать.

Она не удержалась от смеха.

- Что смешного?
- Ничего. Правда.

Эмиль продержался секунды две и тоже рассмеялся.

Смех быстро стих. На столе остались две одинаковые пиццы.

Через два дня Савва написал:

«Нужны уши. Плачу кофе и сомнительной выпечкой».

Таисия ответила через час.

«Что слушать?»

Музей связи собирался демонтировать старый электромеханический коммутатор. Савве разрешили записать его перед отключением, но нужен был человек, который будет отмечать последовательность реле и время срабатывания.

Таисия приехала в четыре.

Музей был закрыт для посетителей. Охранник провел их в служебный зал, где стоял серый шкаф высотой почти до потолка. Внутри были ряды контактов, проводов и маленьких металлических рычагов.

— Красиво, — сказала Таисия.

— Не трогайте, — ответил охранник.

— Я глазами.

— Глазами можно.

Савва расставил микрофоны. Один возле релейного блока, другой у панели, третий на полу.

— Зачем на полу?

— Корпус отдает вибрацию в плитку.

— А верхний зачем так близко?

— Хочу щелчок контактов без комнаты.

Таисия взяла блокнот.

Они работали почти три часа. Охранник по команде включал разные режимы. Реле щелкали сериями, иногда коротко, иногда как рассыпанная по столу горсть костяшек.

Таисия записывала номера, время, сбои.

На двадцать третьей серии она сказала:

— Третье реле справа не сработало.

Охранник нахмурился.

— Все сработало.

Савва проверил индикаторы.

— Повторим.

Повторили.

— Теперь да, — сказала Таисия.

Савва увеличил дорожку на экране.

— Первый раз пропуск.

Охранник подошел ближе.

— Как услышали?

— Там последовательность по четыре. Было три.

— Я сорок лет эту штуку знаю и не услышал.

— Вы сорок лет знали, как она должна звучать.

Охранник подумал.

— Неприятная женщина.

— Мне говорили.

После записи Савва позвал ее в мастерскую. Нужно было быстро проверить файлы, пока музей не закрыл доступ к оборудованию окончательно.

Внизу уже погасили свет. Магазин музыкальных инструментов был закрыт, и в этот вечер никто не играл на гитаре.

Савва включил запись реле.

— Слышите?

— Теперь слышу провал.

— А здесь?

— Гул вентиляции.

— Нет, ниже.

Таисия сняла один наушник.

— Машина снаружи?

— Лифт музея. Он через стену.

— Мешает?

— Наоборот. Будет понятно, что место живое.

На часах было половина девятого.

— Мне пора.

— Муж ждет?

Таисия сжала ремень сумки.

— Не знаю.

Савва закрыл ноутбук.

— Тогда я не спрашивал.

— Уже спросили.

— Ладно. Плохо спросил.

Таисия надела пальто.

У двери он протянул ей листы с пометками.

— Оставьте. Я потом заберу.

— Не заберете. Перепечатаю сам.

— Вы пишете «реле» как «реле?» с вопросительным знаком.

— Потому что не доверяю технике.

Савва стоял по другую сторону стола.

Он ничего не сделал.

Она тоже.

На лестнице Таисия спустилась на два пролета, остановилась и только потом пошла дальше.

Дома Эмиль сидел на кухне с ноутбуком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.